

Cogepseanne	
От редакции	<u>2</u>
Наши друзья	<u>2</u> <u>23</u>
Пишем любовные сцены	<u>25</u>
Объявления	<u>35</u>
Cmuxu	
Дарья Иванова	9
Марина Киевская	<u>15</u>
Евгений Лесик	<u>20</u>
Борис Поляков	<u>21</u>
Иван Гладких	<u>27</u>
Серж Антонов	<u>27</u>
Ева Мидлер	<u>29</u>
Алексей Сажнев	<u>33</u>
Mroza	
Тас-Аксу	<u>3</u>
Любовь Ландина	<u>13</u>
Андрей Евсеенко	<u>18</u>
Виктор Виров	<u>31</u>
Pucynki	•
Ainippa Malakion	<u>Обложка, 22, 32</u>
Светлана Стихач	8

Готе Коте

<u>14</u>, <u>17</u>

3 gpalembyume, goporue rumameru!!!

Вот и вышел 16 номер газеты «Беседы у камина». Это черно-белый номер, и этой идее подчинено в нем почти все: оформление страниц, украшения, рисунки. Цвета есть только в текстах: именно в них вас ждет яркий мир, полноцветный и красивый.

На страницах номера вы найдете произведения с особой пометкой «ВЧ». Многие из вас уже знакомы с ней. Эта аббревиатура расшифровывается как «Выбор читателя». Тексты для этой рубрики выбирали авторы и читатели нашей газеты.

В рубрике «Наши друзья» вас ждет очередная миниатюра, победившая в конкурсе проекта «Первый класс для писателей». Тема конкурса — любовная сцена. А сразу после этой рубрики опубликована статья, созданная под впечатлением от конкурса: о том, как правильно писать любовные сцены.

Тех, кто давно читает нашу газету, ждет большой сюрприз: рисунки художника Готе Коте, работы которого часто встречались в первых выпусках «Бесед у камина». Компанию ему в номере составит Анастасия Новикова, больше известная в интернете как Ainippa Malakion, и новый для нашей газеты художник — Светлана Стихач.

Кстати, ей же хочется сказать огромное спасибо за помощь в оформлении номера, именно ее работы стали украшением для страниц. Также в создании номера нам помогали Мария Орфанудаки, Дарья Кошевая, Александра Сорокина, Наталия Коденцова и Ольга Дулова, за что всем им огромное спасибо.

Приятного чтения!

Всегда ваша, Редакция БУКа!

Tac-Awcy He cornye. Cmacoxa

Стаська приехала на вокзал задолго до приезда своей подруги, которую собиралась проводить «да на дальние моря». Впрочем, факт столь раннего прибытия её не расстроил, напротив, она ценила подобные «временные остановки». Стаська была из той редкой породы людей, которых не тяготило и не раздражало ожидание в принципе. Ей было чем заняться в это время, и она радовалась подобным минутам, как особому подарку судьбы. Можно остановиться и Увидеть Мир вокруг себя, запечатлеть в памяти события, лица, подсмотреть сюжеты для будущих миниатюр и сделать «зарисовки» с натуры. А здесь, на вокзале, на каждом квадратном метре разворачивались свои сюжеты.

Вот пожилая пара... Супругам далеко за восемьдесят, похоже... Он - так трепетно и нежно держит Её ладошки в своих, время от времени целуя кончики пальчиков, и что-то шепчет жарко, пожалуй, даже страстно. Она – смотрит на Него и, соглашаясь с ним, кивает в такт его словам, но... Она - явно растеряна, видно, за долгую совместную жизнь они расстаются впервые...

А вот, красный от натуги годовалый малыш уже минут пятнадцать кричит, выгибаясь дугой, на руках у отца. Никакие действия и уговоры на детёныша не действовали, и отец зло и растерянно оглядывался в надежде увидеть идущую супругу.

Стаська совершенно не выносила детских слёз, но подойти было неприлично – надо было дать шанс родителю справиться самому, но когда мамаша не появилась спустя ещё десять минут, она подошла к несчастному и, протянув ему сумку, произнесла:

— Предлагаю неравноценный для себя обмен: Вам — моя драгоценная сумочка со всем содержимым, мне — ваше орущее сокровище.

И, пока ошарашенный отец соображал, что к чему, взяла малыша у него из рук.

— Ну, привет! — улыбнулась она чаду. — Шумно здесь, правда?! Знаешь, у меня к тебе есть деловое предложение: пойдем, посмотрим, как падает снег.

Малыш, всхлипнув ещё пару раз, затих, внимательно прислушиваясь к тому, что говорила ему Стаська. Окружающие, уставшие от воплей карапуза, с облегчением вздохнули. В этом общем вдохе-выдохе чувствовалось полное одобрение её действиям. А Стаська, не обращая внимания на толпу, рассказывала карапузу о том, какая красота на улице, как в свете фонарей волшебно блестит снег, о том, что он, малыш, скоро сядет в поезд и поедет, и о том, как же это здорово-уснуть под стук колёс...

Мальчуган, как мог, поддерживал разговор, а папаша зачарованно смотрел на Стаськины губы, будто не слышал, что она говорит, и пытался понять её по артикуляции. Стаська усмехнулась.

Совершив обратный, малыш — сумочка, обмен, она напоследок сказала папаше:

— Разговаривайте с ним. Обо всем. Но чаще всего — говорите ему, что вы его любите и он — ваш лучший друг. Вы увидите: он — поймет.

Распрощавшись, Стаська поднялась по лестнице на второй этаж и, достав планшет и карандаш, уже сделала несколько интересных, на её взгляд, зарисовок, как вдруг её взгляд буквально «зацепился» за худенького подростка. Мальчишка был одет явно не по сезону и не по росту — в легкую осеннюю курточку и трясся от холода... Он стоял напротив вокзального буфета и, не отрываясь, смотрел на витрину и даже издалека было видно, что находится на грани голодного обморока.

Стаське стало плохо — она всегда остро чувствовала чужую боль. Почти бегом она спустилась в зал и направилась к мальчишке, но не успела — её опередил пьяный мужик, подлетевший к парнишке и с разбегу пнувший его в тощий живот: «Я тебе что сказал? Не смей смотреть туда — урою!», — заорал он. Мальчишка, согнувшись пополам, заскулил, как раненный пёс. А люди шли мимо – кто равнодушно, а кто — с опаской обходя территорию конфликта...

То, что было дальше, Стаська помнила не очень хорошо... схватив мужика за грудки, она в буквально впечатала его в мраморную колонну...

Сержант, подскочивший к ним спустя пару минут, потом рассказывал ей в отделении, наливая чай в пластиковые стаканы, что боялся не успеть до того, как она, действуя мужиком, как орудием пролетарского труда, развалит эту несчастную колонну, подпирающую второй этаж...

Подойдя к сидевшему на корточках парнишке, Стаська подняла его. «Пойдём со мной», — произнесла она, с трудом разомкнув стиснутые челюсти, и, обняв его за худые плечи, повела на второй этаж в буфет.

Они познакомились. Поставив перед парнишкой чашку с бульоном и пирожки, она выслушала рассказ мальчика о непростом житье-бытье.

А история была обычна по тем страшным временам: колхоз развалился, а несколько домов, стоящих на берегу удивительного озерка, странным образом все сгорели в одну ночь.

Собрав то, что успели спасти в ночь пожара, семья подалась в город...

— В приют пойдешь? — спросила Стаська мальчишку, заявившего, что он больше «так» жить не может. — Я запишу тебе свой номер телефона. А позвонить сможешь из отделения милиции. Я договорюсь.

Он ответил твёрдо, совсем по-взрослому:

- Я один, без малой, никуда не пойду.
- И тут же, не удержавшись, зевнул. Смутился, улыбнулся совершенно открытой, обезоруживающей улыбкой:
 - Простите... наелся и сразу спать потянуло.

На прощанье Стаська протянула парнишке пакет с пирожками:

— Здесь хватит и тебе, и сестрёнке, и родителям. И обязательно позвони мне.

- Нутыидууура... протянула подруга, услышав рассказ Стаськи о её приключениях. С Любой они разговаривали на ходу, пробираясь сквозь толпу к вагону и ловко уходя от столкновений с багажными тележками и гружёными чемоданами и баулами пассажирами.
- Ну, ты и дура! Повторила она язвительно, протягивая проводнику билет. Когда же ты, болезная, наконец-то поймешь: ты НЕ СОЛНЦЕ, всех не обогреешь!

Стаська, пожав плечами, молча улыбнулась.

Ну, да. Не солнце. В мировых масштабах так определённо — нет.

Но на отдельно взятом вокзальном «пятачке» — очень даже может быть...

Катька третья

— Ка-атька-аааа!

Крик из-за двери квартиры больше походил на рёв раненого буйвола.

— Катька!

Звонка в этой квартире не было, наверное, последние лет двадцать... Я постучала. Дверь распахнулась в ту же секунду.

— Слава Богу, Вы пришли!

Катькина мать, всю жизнь регулярно пьющая женщина, театрально всплеснула руками.

— Что у вас случилось, Екатерина Алексеевна?

Катька II (Вторая), она же — дочь Катьки I (Первой) и, она же — мать Катьки III (Третьей), зарыдала и указала на запертую дверь комнаты.

— Заперлась. Не открывает. Не отвечает. Пацан плачет, а она — молчит... Хотели милицию вызвать, а потом думаю, дай Вам сначала позвоню...

Я подошла к двери.

- Катюш, открой! Это я! Открой, пожалуйста! в ответ молчание, только слышно, как плачет малыш...
 - Вот, видите?! начала было Катька Вторая.

Катька Первая, по паспорту, как и её дочь, Екатерина Алексеевна (надо ли говорить, что и Катька Третья, следуя непонятной семейной традиции, тоже носила отчество – Алексеевна, с одной лишь разницей, что императриц Екатерин, с порядковым номером III, в России не было), тихонько, чтобы не заглушать наш разговор, подвывала на кухне.

Поворот ключа. Я знаком попросила мать остаться за дверью. Катька Третья молча повернулась ко мне спиной и, пройдя через всю комнату, села у окна.

Что ж, помолчим немного, раз так надо... А пока есть дело и поважнее. Я подошла к кроватке, где обиженно плакал трёхмесячный Пашка.

— Ну, привет, любимчик Пашка! Против чего столь громко протестуем?! — спросила я и пожала маленькую Пашкину ступню.

Пашка, услышав негромкий, ласковый голос и почувствовав прикосновение, перестал накалять обстановку криком и только всхлипывал, не в силах вот так сразу остановиться...

Я неспешно беседовала с Пашкой, рассказывая ему о том, что сегодня на улице солнышко, что обрадованные птицы распелись, словно на улице весна, что ветерок ждёт, когда же Пашка выйдет на улицу, чтобы ласково растрепать совершенно удивительные его, Пашкины, кудри, что...

В Пашкиных глазах ещё блестели слёзы, но он внимательно слушал, то вытягивая губки в трубочку, то растягивая их в улыбку и от счастья, что с ним, наконец-то, заговорили, усиленно дрыгал руками и ногами. Всем своим видом малыш показывал, что, как истинный джентльмен, он поддерживает беседу.

— Ну!.. Ну, скажи, Пашка! Скажи: «А-гу!»

Смешно сложенные трубочкой Пашкины губки... и еле слышный вздох за спиной: я знала, что Катька не выдержит и подойдёт. Пашка, увидев мать, ещё яростнее задрыгал конечностями и произнёс: «Гу!». От удивления он замер на несколько секунд, а потом вновь устроил пляску, достойную туземцев племени Мумбу-Юмбу.

Катька, зажав рот руками, беззвучно плакала. Наверное, от счастья...

Катька Третья родилась в семье, где и мать, и бабка были пьющими матерямиодиночками, что, однако, не мешало им содержать квартиру в идеальной чистоте. Все соседи с самого детства прочили такую же судьбу и маленькой Катюхе. И только она сама была уверена: она сможет вырваться из этого ада — ведь она хорошо училась. Всё так и случилось, если бы... если бы не обернулась её школьная любовь беременностью и полным крахом отношений с любимым. Его родители, испугавшись перспективы иметь «таких» родственников, сгребли парня в охапку и увезли в неизвестном направлении...

<u>5</u>

Вот тогда-то в моей жизни и появилась Катька, решившая свести счёты с жизнью. Долгие часы бесед, слёз, молчания, уговоров, обсуждений планов на будущее и это чудо — рождение Пашки... Катька была счастлива, а бабка и мать, ошалев оттого, что в их жизни появился мужчина и разорвал этот заколдованный «кАтьков круг», бросили пить. Обе. Разом.

И, вдруг, Катька сорвалась... Сказала, что не будет жить. Мать, перепугавшись, вновь позвонила мне...

Я, отступив в сторону, молча наблюдала за ними. Пашка, удивлённый своими новыми возможностями, пыхтел, старательно произнося на разные лады «гу» и «а-гу», а заливающая его слезами счастья Катька, смеялась и агукала ему в ответ.

— Что случилось, Катюш?

За дверью послышалась возня и сдавленный шепот. Катька, усмехнулась: «сплошная партизанщина!» и, чуть помолчав, ответила:

— Он в городе... понимаете, он уже не-де-лю в городе! Мне сказали общие друзья — он расспрашивал обо мне! И знаете, что он сделал?! Он-не-при-шёл!

Она машинально гладила сына по головке и смотрела, как он, засунув кулак в рот, пытался «агукать».

— Пашка! Ну нельзя разговаривать с набитым ртом! – засмеялась Катюша.

Возня за дверью усилилась, разговор стал громче, послышались возмущённые попискивания Катьки Второй, ей вторил басок Катьки Первой.

- Катьк... тут... в общем, тут к тебе...
- Мам, ну скажи, пусть зайдут потом!

Но дверь уже распахнулась и, спинами вперёд, как будто бы держа оборону, ввалились Катьки-старшие. За ними мы с увидели картину, достойную кисти художника: на пороге комнаты стоял, прижав к животу огромного, с большими пятками, медведя, Алексей — Катькина любовь и, по совместительству — Пашкин отец. За ним стоял его отец, нервно обрывающий лепестки с цветов, собранных в шикарный букет, и мать, в волнении сжимавшая руку младшей дочери так сильно, что та, морщась, пыталась выдернуть ладошку и не могла это сделать...

— Ка-атька-а, — выдохнул Алексей.

Этого было достаточно. Катька, всхлипнув, кинулась к любимому. Так они и стояли, обнявшись — Алексей и Катька, а между ними — огромный медведь с большими пятками. Алёшкина сестра, которой, наконец-то удалось вырваться из материнских оков, потянула зверюгу на себя и, вытащив, подошла к Пашкиной кроватке. Пашка же теперь подтянул к самому носу ногу и, сведя к переносице глаза, увлеченно «гулил», не обращая никакого внимания на возникшую суету.

Гости тянули шеи, пытаясь разглядеть малыша, но без приглашения войти не решались. Повисло неловкое молчание... И тут Катька, наконец-то понявшая, что всё это не сон, проявила чудеса дипломатии, сказав:

— Хотите посмотреть на внука?

У всех одновременно вырвался вздох облегчения. Все разом заговорили, но тут вперёд выступил потенциальный дедушка:

— Катенька, — срывающимся голосом произнёс он, — Катенька! Надеюсь, ты не против, чтобы в Вашей семье кроме трёх Алексеевн и одного Алексеевича, появился ещё и просто Алёшка?!

Всё. Всё! Моя помощь здесь больше не нужна. Я потихоньку, не прощаясь, вышла из комнаты.

В коридоре чистюля Катька Первая, ворча басом, сметала в кучу лепестки цветов, щедро устилавших пол...

«Всё, что осталось от прежней Катькиной жизни», — улыбнулась я...

Такая вот странная дружба

Он каждое утро поджидает меня у ворот офисного здания... «Привет!», — «Привет! Как дела?», — «Хорошо, спасибо!». Я улыбаюсь ему и прохожу на работу. Этот ритуал продолжается уже несколько лет. Наверное, это можно назвать дружбой... Кто бы мог подумать?! А ведь сначала мы были готовы убить друг друга... Впрочем, если быть точной, это ОН хотел убить меня.

Странная, всё-таки вышла тогда история... Был обычный рабочий день. И вдруг за окном кабинета раздались тревоженные крики. Они становились всё громче. Явно случилась беда!.. Я выбежала из здания. Одного взгляда хватило, чтобы понять: малыш попал в беду. И родители были бессильны что-либо сделать для его освобождения, но увидев чужака, они с криком бросились на него, опасаясь, что он причинит ему ещё больший вред...

На оконной решётке, зацепившись лапкой за её завитки, висел вниз головой, выбившийся из сил в попытках освободиться, воронёнок.

«Высоко. Не достать», — подумала я и побежала за стулом.

И когда вернулась, началось самое страшное... вОроны кинулись на меня вдвоём, не позволяя приблизиться и освободить неразумное чадо, а доброволец, вызвавшийся мне помочь в этом благородном деле, вынужден был отступить на безопасное расстояние.

Слёток, а это был именно слёток — птенец, впервые вылетевший из гнезда и не умеющий ещё рассчитывать и определять траекторию полёта — обмяк и не шевелился... «Как бы не было поздно», — подумала я и вдруг жутко разозлилась! Взмахнув пару раз руками, отбиваясь от атак ворона, я упёрлась кулаками в бока и гневно заявила его супруге, севшей на ветку возле окна: «Скажи своему благоверному, чтобы он на меня не кидался! И если вы сейчас оба не заткнётесь, я уйду! Тогда ваш единственный наследник умрет, так и не произвеля на свет потомства!»

Сочувствующие и просто любопытствующие сотрудники, стоящие по «ту» сторону окна, на мои слова среагировали адекватно: они «заржали»... а вороны... вороны — замолчали и прекратили нападки... «Вот, чёрт! — подумала я, глядя на мощный клюв папаши, — Я его до смерти боюсь! Если он попадёт мне по темечку — я — труп!»

К счастью, освободить воронёнка, не составило труда. Лапка была цела, просто малыш выбился из сил настолько, что даже не трепыхался в моих руках... Теперь надо было посадить его в безопасное место... Легко сказать: как только воронов наследник оказался у меня в руках, его папаша возобновил атаки. Он то пикировал на меня, то проходил на бреющем, в последнее мгновение отклоняясь в сторону, но намеренно задевая кончиком крыла руку, которой я прикрывала голову. Другой рукой я прижимала к себе слётка... Ошалевшая от горя мамаша всё это время продолжала пугать округу своими воплями.

Дерево, на которое предстояло посадить неудачника, нашли быстро. Залезая на стул, чтобы разместить наследника повыше, я продекламировала про себя: «На стул Елена взгромоздясь...» и тут же чуть не свалилась, получив удар по голове: ворон, устроившись на дереве прямо надо мной, отламывал шутя ветки толщиной сантиметра два и бросал мне их на голову! «Ах ты зараза! — Заорала я. — На, сам устраивай своё чадо! — Я двумя руками протянула ему воронёнка. — Ну, чего ждёшь? Забирай!». Наклон головы и очень внимательный взгляд. «Ну?!» И вот тут он сказал: «Прости. Я очень напуган.» Нет-нет! Конечно, он всего лишь сказал «Каррр!», но он сказал это так, что я поняла: ворон знает, что я стараюсь помочь! Последние пять минут спасательной операции прошли в «тёплой, дружеской обстановке». Малыш пришёл в себя и уже довольно уверенно держался на ветке. переговариваясь, немедленно тревожно сели рядом

Вот и всё! Я рассмеялась: страху-то натерпелась, рассказать кому, не поверят! А папашато каков! Среди людей не часто встретишь такую самоотверженную любовь к детям, а тут — птицы подают пример!

Уже уходя, я оглянулась: «Ты — хороший отец!», — сказала я ему. — «Спасибо!», — ответил мне он.

Abmop pucyukob — Chemrana Cmuxar

Appea Ubanoba

Ты умеешь бывать жестоким. Помолчать о любви и снах. Ветер ласково лижет строки лейтмотивом «а ля весна». Ветер путается в блестяшках на платке и поёт апрель. Я свободная, как дворняжка, кем-то выгнанная за дверь.

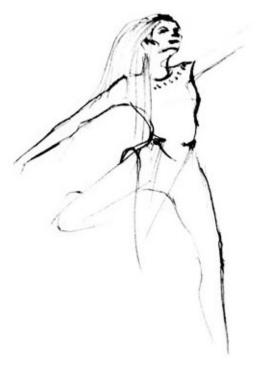
Независима и эффектна. Даже яркая, не в сюжет. Я сама изумрудным крепом расшивала себе манжет, Или, может, латала раны, зубы сжав от удушья слёз... Ты умеешь быть лучшим самым, и когда-то любил всерьёз,

Не считая часов и взглядов, не стесняясь меня — своей. Мы когда-то гуляли Прагой, на двоих упиваясь ей, Мы когда-то Москву делили, мы вбирали в себя весь свет. Мы когда-то с тобой любили, а теперь ты меня — нет.

Или да, но иначе как-то? Разгадать бы тебя, узнать... Ты умеешь побыть загадкой, за которую — жизнь отдать. Я, потрёпанная любовью, нараспашку раскрыв судьбу, Покорилась немногословью, перегибам твоим, табу

На публичные поцелуи. Я подкраиваюсь, стык в стык. Облака над Москвой заснули, недвижимы и золоты. Ветер лижет, наивный, строки, снег не тает, весна молчит. Ты умеешь бывать жестоким. Я — умею любить всю жизнь.

Всё ломается, рвётся, сминается. Дом вверх дном. Моё сердце сегодня — пакетик с колотым льдом. Мои мысли сегодня кристально чисты – вода. Я твоя? Я от счастья умру, если скажешь «Да». Мои мысли сегодня — трезвы, как ни странно, но На стол выброшены костяшками домино, Все нескладные, все сумбурные, ни о чём. Синеглазое небо тычется мне в плечо, Как лисёнок — погладь его, глупая, приласкай. На английском оно по-драконьи зовётся «скай», И почти до ожога лижет драконье солнце, Намурлыкивая довольное «он вернётся», Наливая драконовой платиной горизонт. Моё небо сегодня раскрыло радужный зонт, Чтобы сны и поступки бесхитростны и светлы, Чтобы, вспомнив меня, обо мне улыбнулся ты. Если любишь, так что же, приходится жить тогда. Моё сердце сегодня — подталый хрусталик льда, Кровоточит слезой несолёной из глубины. Мои мысли, как влагой, весенним тобой полны.

Твоё будет твоим. Наше останется нашим. Никто не вырвет из сердца того, что нам на двоих. Я плачу вместе с дождём. Я стала немного старше. И жду твоих поцелуев, апреля и новых книг.

В кармане пара конфет. Хоть я не люблю сладкое, Но бывает — идёшь по городу, и хочется... Иногда... Промокшие сапоги, компенсируемые перчатками — В ладонях огонь, а в ногах ледяная вода.

Ты такую меня для себя захотел. Получай, не жалуйся! Твоё будет твоим. Раз отметил — бери, гордись. На твой миллион дел я буду одной радостью. На череду смертей ты будешь — моя жизнь.

Твоё будет твоим. Так записано, так исполнится. Отпускаешь — не ухожу, приросла прочно. Наше останется нам незаписанной повестью О случайной судьбе и счастье длиною в осень.

На губы мои капни мёдом, чтоб сладко-липкие... Этот город так долго сводит счёты свои с зимой. Наше останется истиной, не наше — ошибкой. Твоё будет твоим. Так исполнится. Ты — мой.

Вот это — твой запах, в моих ладонях. И ночь на двоих —одна. В набросках твоих — казаки да кони, В моих облаках — луна.

Отправь моё сердце в небо (мне страшно Не подле твоей груди), Рисуй меня звёздами, мой вчерашний, И в контуры глаз гляди.

Вот это — дорога. И лес, с прорисовкой Ветвей, как учил ты.

Я, может быть, плачу теперь, и неловко Рисую твои черты.

Летят из блокнота листы, в вагоне — Линованный листопад. Ты всё понимаешь, родной, ты понял Мой мокрый насквозь взгляд.

А сумерки рвут горизонта пояс, Безоблачностью чисты. Рисую разлуку — не степь, не поезд — Туман, за которым — ты...

Полюбовно решим проблемы и выпьем с горя Пару стопочек валерьянки — пошло бы впрок... Ты когда-то сказал, что мечтаешь со мной на море. У меня под ногами горячий речной песок На откосе, противный гудок электричка тянет. Я стараюсь поверить, что небо ещё не упало. Ты бежишь по делам, ты спешишь по друзьям и к маме. А меня, словно ветра в жару, незаметно-мало, А по мне заскучать вовсе кажется несерьёзным. Я сама за твоё здоровье напьюсь таблеток И усну наконец-то, пока ещё спать не поздно, И просплю до рассвета. До следующего рассвета. Ты когда-то сказал, что мечтаешь со мной о детях. У меня на руках следы от сухих пастелей. Полюбовно решили попасться друг к другу в сети, Так какие там дети нам, что же мы, в самом деле... У меня раскалённая кухня, жара в квартире, Я бегу по аптекам, подругам и магазинам, Тая золотом в царской водке в твоём мире, Не заботясь — жива, не жива ли — мне всё едино, Когда пальцы стучат по кнопочкам, отправляют Пару новых сердечек да тьму безответных «Как ты?». У меня бесконечность с пустыми ночами-днями, У тебя — бесконечность дел, аргументов, фактов.

Полюбовно отложим чувства и жахнем кофе, Наплевав на опасность для наших СС систем — Наше общее сердце и так нас ведёт к катастрофе....

...Ты когда-то сказал, что мечтаешь со мной насовсем.

В его чемодане пахнет духами, которые я подарила. Пока я жду его, он, конечно, успел объехать уже полмира, Успел ногами на позолоту — до неба с купола докричаться. Я всегда до смерти не любила, он никогда не умел прощаться. Вот и теперь он как будто рядом, дышит теплом, ласково Обнимает мои сутулые плечи, вновь называет лапкой, И запах, который во мне он оставил однажды ночью, Вновь проникает в меня вместе с воздухом и раздирает в клочья Сердце, ушедшее в самые пятки, как у трусишки глупой. Я крепко зажмуриваю глаза и губами ищу его губы Мягкие, терпкие, непонятные мне до сих пор, и в один момент Вдруг понимаю, что запах — в памяти, а его рядом нет. Конверт остаётся нераспечатанным. Третий день без ответа... В его чемодане пахнет духами, в его глазах зарождается лето, Которое он привезёт в подарок на день рождения мне, Прильнувшей холодной щекой через окно вагона к зиме, Ещё не успевшей уйти бесследно. В его чемодане... В моей груди... Я жду под неправильными часами один лишь вызов его: «Иди!». Стою, с распущенными волосами, босыми пятками на снегу... В его чемодане пахнет духами. Я без него — н е м о г у ...

Любовь Ландина

Лупа сдегана из зегёного сыра

В маленьком деревянном домике на вершине холма жили два странных существа. Они назывались Янфемы, потому что бодрствовали только в январе, феврале и марте, а на остальные месяцы впадали в спячку. Они были белыми, как снег, мохнатыми и очень любопытными, а их лапки напоминали человеческие руки. Янфемы из домика были разного размера — Большая Янфема и Маленькая. Они любили снег и холод, а еще зеленый сыр. Да, они обожали сыр! Янфемы спали днем в своем домике, так как не выносили дневного света, а по ночам они любили кататься на санках или на коньках.

В одну холодную ночь Маленькая Янфема провалилась под лед, Большая едва успела ее спасти.

Маленькая Янфема заболела, целыми днями она лежала на соломенном тюфяке и плакала, Большая заботливо ухаживала за ней, поила чаем с малиной и кормила сыром. Так они жили неделю... Янфеме не становилось лучше, а запасы сыра иссякали. Тогда Большая Янфема отправилась в опасный путь — через три холма к соседям, за едой. Она ушла...

Маленькой Янфеме было очень одиноко и грустно. И больно. И очень-очень хотелось есть. Сыру. Много сыру.

Она ждала-ждала, а Большая Янфема все не приходила. Маленькая вышла из домика и посмотрела на круглую зеленую луну... Луна была такая красивая. Яркая. Светлая. И тогда Янфема подумала: «А ведь луна сделана из зеленого сыра.... Как же никто раньше не догадался съесть луну? Мой домик стоит на самом высоком холме, и если я залезу на дерево, то смогу достать луну и съесть ее».

Янфема забралась на самое высокое дерево и, протянув ладошку, начала отламывать от луны ломтики. Это был самый вкусный в ее жизни зеленый сыр. Он был таким ароматным, таким бесподобным. Янфема отламывала части снова и снова, и никак не могла наесться. Ей все еще было плохо... она же была больна, и поэтому она не сразу заметила, что с каждым съеденным кусочком вокруг становилось все темнее темнее... Когда от луны остался совсем маленький кусочек, и вдруг стало почти совсем темно, Янфема подумала: «Луна уже так мало светит... я всю ее почти съела... как же Большая Янфема найдет дорогу домой? Она же заблудится В холмах... она вернется...» А на небе висел последний маленький кусочек луны. Луны из зеленого сыра. Такого вкусного, что мысли пропадали из головы. Янфеме казалось, что стоит только съесть этот кусочек, как она сразу станет здоровой и счастливой.

Но... как же Большая Янфема найдет дорогу?... Такой ароматный сыр... Дорога...

Янфема протянула ладошку и ...

Когда Большая Янфема вернулась домой, неся за плечами мешок с сыром, Маленькая уже была мертва. Большая Янфема горько заплакала.

Она решила, что на небе должна быть нормальная луна, чтобы ее не ели и не делили... Чтобы всем всегда хватало света, и чтобы мамы всегда возвращались домой. Тогда Янфема взяла большой фонарь и сама пошла на небо.

Светить...

Mapuna Kuebenaa Pennecëpenoe

Я зашторила чёрной кулисою осень. Режиссёрскую осень сценарных потерь. Мне ни много-ни мало — всего двадцать восемь. Мне всего... мне ещё... мне уже... мне теперь.

Были сладкими речи и страстными ночи. Поцелуи, нелепо слетавшие с губ. Имена нелюбимых, любимых и прочих – в старом файле архивном три столбика групп. Там забыты все лица, ведущие роли были сыграны в первой из горе-премьер. С визгом дамы Vip-ряда по швам распороли плащ героя-любовника (в свой шифоньер). Со второго кричали: «Верните билеты!», и в антракте сознанье терял билетёр. Я стояла тогда режиссёром отпетым, точно зная, что ты — никудышный актёр.

Причитал за кулисой уборщик Ираклий, мол. бессовестный зритель, не ценит наш труд. Репетиций не будет, не будет спектаклей. Мой вердикт был такой: «В пламя дерево Будд».

Лёгкий выдох. Осталось то дерево целым. Плодоносило пятый богемный сезон. И актёрский состав был на радость — доспелым, и нашёлся опять к удивлению — «он». Слёзы горя на сцене - и счастья - за сценой, а зазубренный текст всё никак не идёт. Обозлённый суфлёр вместо «мой драгоценный», забывая про шёпот, кричит: «идиот!» И мешали любовь в бутафорных бокалах. Пили залпом, меняя на воду вино. Но пьянели мы вправду, потом вполнакала были сыграны — Моцарт, Шекспир и Гуно. Театральная жизнь с глянцевитых подмостков перешла в повседневную. Сами виной. И антракт за антрактом строптивый подросток перескакивал с пятого в двадцать восьмой. Тихо сходит со сцены безгримная память. Быстрым нервным щелчком нажимаю Delete. Мои пьесы теперь уже некому ставить... Режиссёр, умирая, сказал: «Не болит».

Rogpyse

Я не знаю когда. На солнечном полукруге, Или, может, на лунном — пятен не разглядеть — У меня появилась редкостная подруга. И с тех пор моя жизнь — моя всего лишь на треть. И поэтому никогда меня не предаст.

Я хватаю её, споткнувшись на ста изменах Tex, чьи лозунги были: faith, unity, trust*. Только эта подруга прячется в самых венах,

Все поверья сбылись. Слежу за любой повадкой. Суеверие взяло верх. Приметы — как блиц. Но я знаю: подруга, пряча глаза, украдкой Запускает мне в окна всех прикормленных птиц. Карамельны слова, но рты осыпает веред**. Сипло-хриплые дали клич: Мы вместе!, вперёд! Только эта подруга в лучший исход не верит, А поэтому никогда она не соврёт.

Накануне обеда, после второй обедни Бьются сотни пернатых тел в мои витражи. Я дрожу. А подруга, встав со стола последней, Как голодной собаке кость, бросает мне жизнь. И, пока доктора ломают штрих-код на генах, Всё решая дилемму: сметь им или не сметь, Я живу с той подругой, что протекает в венах. Санитарке моей она представилась — Смерть.

^{*}faith, unity, trust (англ.) — вера, единство, доверие

^{**}веред — чирей, гнойный нарыв

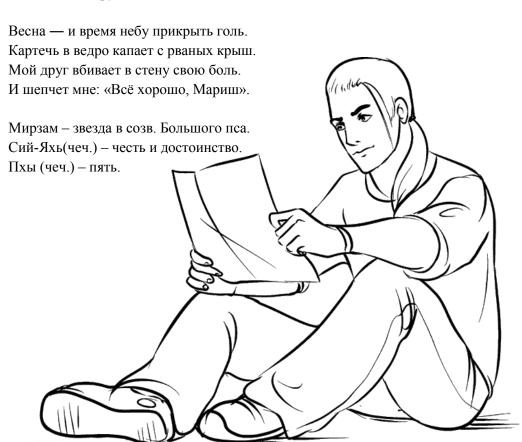
Kuzuu — быть

Александру Бокову

Мой город, пряча в шифер косой луч, Хранит тепло. После зимы — раздет. Мой друг, срывая с памяти сургуч, В платке хранит свой фронтовой билет.

А в сердце — взрывы, залпы и взгляд той Чеченки, что не промолчать смогла. Ему — врагу: «Снаряды там! Стой! Стой!» И «жизни быть» взвыл к небесам мулла. И «смерти быть» твердил через раз пульс. Зловещий свет слала с небес Мирзам. Шипела кровь, свернувшись в густой мусс: «Своя земля — лучший для ран бальзам».

Чужая здесь, но в ладанке — весь храм Любви, тепла, верности... — Рота, пли! Под вечер пили мёртвые сто грамм Из грязных фляг. За упокой Ильи. И в руку сон — под утро скулят псы. В похлёбке — кость, в воздухе — шкурный смрад. Кричала Смерть: «Сий-Яхь!», и на счёт «пхы» Слетал с косы русско-чеченский ад.

Almor pucyuwa — Tome Kome からからなからなからないできないという

Angpeŭ Ebceenko Mycopujuk

Весна в этот год долго боялась заявить о своём приходе. Она ползла по-пластунски между почерневших сугробов. Бежала по хрупкому льду стынущих по утру луж, прячась под тонкой сеткой их треснувшей паутины. Она чего-то ждала, к чему-то готовилась. Копила силы для чего-то большого... Но пока о её планах не знали ни влюблённые, ни шизофреники. Не знали и дворники, посыпавшие солью с песком побелевшие за ночь дорожки.

Человек шёл по улице, раскачиваясь из стороны в сторону и размахивая руками. Редким прохожим могло показаться, что он кого-то пугал или сам, испугавшись, прогонял неведомое. Его лицо жило своей жизнью — странной и почти неосмысленной. Он шевелил губами, что-то говорил. Тихо, сам себе. А потом — вскрикивал. Коротко и почти беззвучно. Но так, что дрожь пробирала всё тело тех, кто услышал. И не успел отвернуться.

Мерзкое зрелище больной души не вызывало сочувствия. Хотелось скорей пройти мимо, забыть эту отвратительную фигуру в рваном, засаленном до блеска пуховике. Растворить её в сером утреннем тумане и зашагать прочь. К цели, свету и жизни.

Жизнь... А была ли она у него? Как начиналась — не помнил, к своему счастью. Не знал ничего про женщину на вокзале... Не мать, а просто — женщину, что его родила. Про спасителя, доставшего его полузамёрзшего, обессилившего от крика из мусорного бака. Про милицейский протокол, про свидетелей... Про «Дом ребёнка».

А если бы и знал, то вряд ли стал бы благодарить того, кто не дал ему умереть. И уж наверняка не поверил бы в искренность слёз раскаяния в зале суда.

Первое, что он помнил — это детдом. Странный шутник соединил в этом слове дом и детей... Злой шутник. Он помнил Бабу-Дусю... Её тяжёлую руку и смех, бьющий звоном в ушах: «Что, мусорщик, опять обоссался?!» Помнил соседей по несчастью, загнанных вместе с ним под одну крышу. Особенно тех, кто уже успел погулять на воле – молодых волчат. Помнил и дядю Валеру... Но очень не хотел помнить.

Годы шли, а жизнь всё не начиналась. Вместо армии – два года стройбата. Вместо работы — первый срок за пьяную драку. Порядки и там и там были схожи: выживал или тот, кто сильнее, или тот, кого почти нет. Ему не пришлось выбирать. Он просто стал тенью на грязном полу.

«Мусорщик» — это слово прилипло к нему, словно клеймо. И он нёс его год за годом. Ненавидел, но сбросить даже и не пытался. Потом привык. И почти заставил себя поверить, что оно ему нравится... Улыбался, когда его так называли. Сгибался, становился меньше, но улыбался. Что поделаешь — и вправду «Мусорщик»!

К ночи весна совсем исчезла из города. Вместо неё вернулась зима. С мокрым снегом и ветром, продувающим старый пуховик, словно сито. Тот, кто прятался под этим тряпьём, очень замёрз, но работы своей не бросал. Чертыхаясь себе под нос, кивая головой, словно сам с собой соглашаясь и иногда нелепо взмахивая руками, он катил наполненный доверху мусорный контейнер мимо чьих-то натыканных, словно сельдь в бочке, шикарных машин. Четыре дома по четыре подъезда. Шестнадцать тяжёлых ящиков, набитых зловонными отходами чужой жизни. Против одной тощей фигуры, закутанной в рваный плащ-невидимку.

- Петрович! Что у тебя творится на Прядильной?!
- Не знаю, а что?
- Не знает он! А у меня уже рука устала трубку снимать, да от жильцов отбрёхиваться! Живо разберись, почему у тебя уже пятый день контейнеры никто не убирает!
- Не волнуйтесь, Павел Семёнович, всё исправим... директор ЖЭУ, дождавшись коротких гудков, аккуратно, словно взведённую мину, положил трубку на рычаг. Потом посидел пару минут, собрался с мыслями... И лихо понёс недовольство начальства в народ к своим подчинённым.

Круг замкнулся скучно и до приторности однообразно. У судьбы не было желания проявлять для него фантазию. То, что и не должно было начинаться, оборвалось в смрадном контейнерном боксе резкой болью в груди. А потом было присыпано, словно пеплом, падающими сверху разнокалиберными серыми мешками.

Один, два, три..., десять... Вот и нет Мусорщика.

Ebrenin Necux

Торопится осепь-атхими

Свинцовые пыльные листья достались в наследство от лета. Торопится Осень-алхимик в цвет золота их обратить. Деревья роняют на землю монеты, но золото это Никто не стремится похитить и алчность свою утолить.

Лишь ветер по кронам промчится, нарушив березок раздумья, Да слышен в чертоге небесном прощальный призыв журавлей. Зачем вы тревожите, птицы, души серебристые струны? Зачем вы зовете покинуть свой дом и родных мне людей?

Но странники неба не знают ответов на эти вопросы. А ворон отчетливо крикнет, как будто глашатай Зимы. О, мудрая птица, не нужно пророчить печали, да слезы — Душе моей, грустью смущенной, прощальные клики слышны!

Наверно, ты ведаешь время, когда, избежав сожалений, Скупой день наступит и жадно снегами листву заметет. И Осень-алхимик исчезнет — забытый, непризнанный гений... Последние листья с деревьев простуженный ветер сорвет...

Застывшие в неге березы теряют наследство от лета. Торопится Осень трудами умножить богатства свои... Но явлены птицами знаки, которые верной приметой Пророчат с теплом расставанье и новых скитаний пути.

Bozbpanaaco

Подвергался нашествию слов покидаемый вечер. Время руны плело электронным теченьем часов. Километры дорог, сокращая мгновенья до встречи, Уносились мельканьем полей, городов и лесов.

Темным алчущим змеем наш поезд вонзался в пространство, Оставляя, как след, путь железный, да ребрышки шпал. Машинисты стремились пейзажи листать с постоянством. Я смотрел на движенье картин за окном и мечтал.

Распускалось прозрачное кружево грез в сновиденья. Ночь накинула полог над лунной игрой серебра. Рано утром закончится в «змее» мое заточенье, И сойдя на перрон, я вослед пожелаю добра.

Поезд тронется вновь, оставляя меня на вокзале. Будет в воздухе плавать сырой и белесый туман. И на диске перронных часов, как на старой медали, Я прочту, что окончен мой путь, что я родиной пьян.

Bagymruboni berep

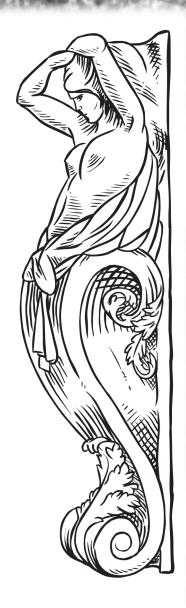
Вот опять опустился на город задумчивый вечер. В темноте у магнолий, как звезды, горят светлячки. Вечер душу бальзамом покроет мою, да излечит. И отпустит грехи на поминках почившей тоски.

Будет сердце без боли, спокойно, торжественно биться. И взлетит фейерверком над крышами в небо душа. Словно чайка над морем, объятьям ветров покорится, А затем, насладившись свободой, вернется, кружа.

Возвратится в дом тела и сядет, как будто на ветки. Боль отступит куда-то и вдруг растворится в ночи. Я избавился снова, разбил все оковы и клетки! И внутри все поет, и беззвучно, безмолвно кричит!

Снова вечер накинул на плечи сиреневый сумрак, А на шею повесил гирляндами цепи огней. И мечтая о Ночи, притих в упоительных думах, Засмотрелся на желтые пятна своих фонарей.

Завтра, может быть, снова судьбою я буду повержен, Сердце вновь опечалится злобой и болью людей. Но сегодня на город спустился спокойный и нежный Вечер, полный прекрасных манящих и ярких огней.

Bapue Narawab Cuer b oumaspe

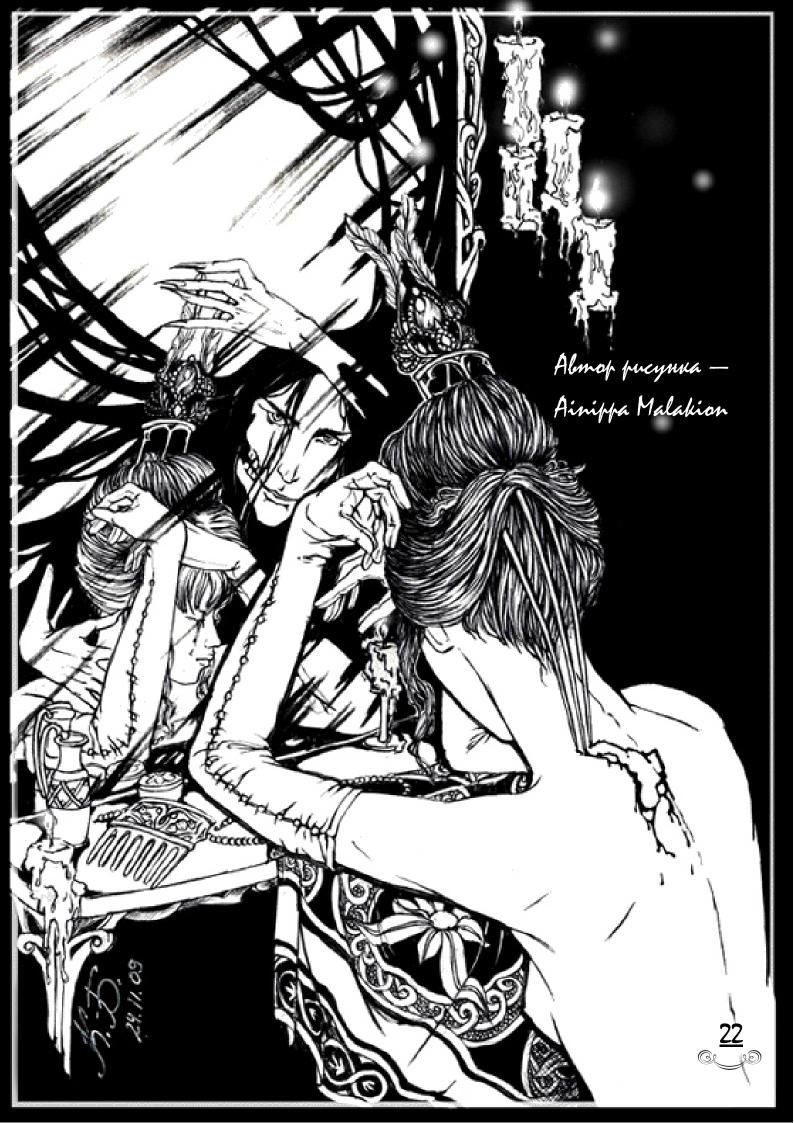
Ветер, ветер, что же ты делаешь, так бесстрастен и так высок — закидал паутинками белыми и тропу мою, и висок...

Я тебя не гоню, неласковый, только душу не береди той ещё не забытой сказкою, где всё лучшее — впереди.

Белой дымкою, свет заметающей, не клонись к плечу моему — не дано нам, вольным, пристанища, и мечтать о нём ни к чему.

Поцелуй задремавшие озими, пожелай им спокойного сна. ...Где ж так долго, до самой осени пропадала моя весна?..

Прошуми озябшей осокою песню-память моей весне — как тоску по любви, высокую и простую, как первый снег.

Ирина)!(Любовь и ересь

Ночь оказалась на редкость темной и холодной. Час был мрачный, полный боли и страданий.

— Иди и ты выпей за нее. Чтоб ей на том свете было лучше, чем здесь...

Нет, так нельзя! Как так, на том свете? Как так, убили? Как так, сожгли?

— Какая ведьма? Какая ведьма! Она святая! — не помня себя кричал Генрих.

Кому он это пытался доказать? Пьяной толпе, сплетникам, засевшим в кабаке? Былого не вернешь — если верить людям, она упокоилась.

 Как ведьму, подтверждала молва, предлагая глотать слезы вместе с алкоголем, как ведьму.

Но он не мог признать, что ее... что вправду ее...Ее, Изу: чистую, добрую... Он сам, когда ее впервые увидел, не поверил, что такие девушки существуют. Изабелла казалось ему лучом света, идеалом, чуть ли не божеством. Он даже коснуться ее боялся, словно прикосновение могло осквернить. И только однажды собрался с силами и признался: «Люблю тебя». А она смотрела на него глазами цвета неба, слушала заверения, что она кажется ему святой... А потом молча подошла и прижалась к нему... И было в этом что-то необъятное... Такого даже в поцелуях может и не быть.

— А еще, — продолжали повествовать пьяные безразличные голоса, — незадолго да этого она поняла, что носит под сердцем ребенка.

"Моего ребенка..."— Генрих сидел, словно каменный. Он даже осознавал, что судорожно сжал кулак, и острие взятого со стола ножа впилось в кожу, что по пальцам заструилась кровь. Но он не мог поверить... Ребенок? Его ребенок? Убить мать и ребенка! Ведьма... Нет! Ведунья: она знала, что быть должно и что быть может. Порой она говорила об этом. А порой и без слов было понятно...

Вновь перед глазами встал тот вечер, теплый дом и его рука, замершая на дверной ручке.

- Почему ты уходишь? спросила Иза, печально глядя ему в спину.
- Не могу по-другому.
- Потому что ни один священнослужитель не обвенчает нас? Из-за цвета крови?

Он смолчал.

- Ты меня любишь? вновь подала тихий голос девушка, подходя ближе.
- Люблю. Потому и ухожу.
- Глупости, перебила она, догадываясь, что далее последует поток оправданий. Я тоже люблю тебя. А если двое любят друг друга, то они должны быть вместе, они должны принадлежать друг другу, потом у них должны появиться дети, и они должны воспитать их. Так должно быть. И не важно, как об этом думает мир.

Она посмотрела на него преданными глазами:

- Так что же, любишь?
- Люблю. Всем сердцем.
- Душой, поправила она, оттягивая юношу от двери, любят душой.

Потом, убедившись, что он не уйдет, повернулась спиной к нему и лицом к огню очага, скрестила на груди ладошки и простояла так несколько минут — в молитве. Однако святым знамением не осенилась, только подняла руки ко лбу и сняла кружевную плетеную повязку, придерживающую волосы. Затем, отложив ленту на стол, подобрала подол рубахи, быстро стянула ее через голову, выгнувшись дугой, и обернулась к любимому, оставшись стоять нагой в прыгающем свете пламени.

Генрих упорно пытался смотреть ей в глаза, только в глаза, в эти зеркала неба. Иза протянула к нему руку, он принял ее молчаливое приглашение и то ли он подтянул ее к себе, то ли она сама к нему подлетела, словно все происходящее было танцем, быстрым, но плавным танцем. Именно тогда, насколько Генрих мог судить по воспоминаниям, его сознание приняло прописную истину: «Так должно быть», — и отказалось от власти над телом.

Все, что произошло после, держалось на одних лишь ощущениях и порывах сердца. Сейчас, в табачном дыму, юноше смутно являлись картины той ночи: как руки девушки закатывали его рубаху, как он целовал ее плечи и живот, как припадал к ее груди, словно голодный младенец, и как носил на руках, это ему запомнилось особо. Он помнил, как они укрылись от всего мира на узкой кровати, отделенной от дома импровизированным пологом из перекинутой через балку простыни. Простыни были белыми и чистыми, ложе — жестким, а в воздухе витал аромат трав, развешанных пучками по всем углам. Так должно было быть...

Генрих резко вскачил, с размаху всадил в стол окровавленный нож и выскочил из таверны.

Как же ему хотелось кричать, плакать, биться об землю и... мстить. Мстить за всю ту боль, какую вынесла Иза и ее нерожденное дитя...

Ebrenia Numbunenno

Numen rnobolnue cyenu

Когда мы готовили конкурс и искали материал по теме, столкнулись с глобальной проблемой: материала нет, не было и не предвидится. Худо-бедно освещена тема секса в литературе, но ведь любовь этим не ограничивается. Даже более того, эротические сцены, в идеале, должны быть каплей в море сцен о любви.

Посудите сами: предложение руки и сердца, первый поцелуй, расставание, свидание, свадьба, романтический ужин, даже первая встреча — все это любовные сцены, все это приходится время от времени описывать, и хотелось бы делать это красиво, ярко и уместно.

Однако автор сталкивается с тем, что его готовы учить писать только о сексе. Не раз наблюдала ситуации на форумах, когда человек просит подсказать куда и как лучше вставить любовную сцену, именно в такой формулировке, а ему советую сначала подумать, нужен ли ему секс в произведении. И лишь пару раз находился человек, который уточнял, какая именно сцена имеется в виду.

У этой ситуации два очень неприятных следствия. Во-первых, авторы могут учиться только на практике, да по сценам в чужих книгах, тоже, кстати, не всегда совершенных, а во-вторых, неокрепший автор проникается идеей о том, что любовная сцена и постельная сцена — это почти одно и то же.

Итак, пишем любовную сцену. С чего стоит начать? Напрашиваются разные решения: выбрать место действие, героев, повод... Но это все не то. Сначала нужно решить, насколько вообще необходима любовная сцена? А в этом конкретном месте? Какие цели она преследует? Конечно, многие жанры просто требуют наличия таких сцен, и авторы щедро рассыпают их по тексту, не задумываясь о том, что вставленная для красного словца сцена любви выглядит пустой и не нужной. Каждое слово в тексте, каждая сцена, в том числе и любовная, должны иметь свое назначение, а не просто подчеркивать жанр произведения или намекать на целевую аудиторию.

Какие задачи может выполнять любовная сцена? Вариантов масса: раскрыть характер героев, отношения между ними, создать атмосферу, отвлечь читателя от более существенного происшествия для сохранения интриги, они могут быть началом или концом полноценных сюжетных линий или ключевыми точками их развития. Все зависит от фантазии автора и конкретного сюжета.

Вполне логично, что расположение любовной сцены также определяется сюжетом и целями, которые преследует конкретная сцена. Универсальных правил здесь нет, и быть не может. Единственное, что хочется сказать, совмещение боевых и любовных сцен, вроде венчания героев в ходе битвы на корабле в очередной части «Пиратов Карибского моря», уже примелькалось. Так что, если хочется чего-то яркого и оригинального, стоит придумать что-то свое.

Кстати, об оригинальности. Эту проблему смело можно назвать второй по значимости в написании любовных сцен. Все-таки о любви пишут с начала времен, а значит, все уже сказано и пересказано. Однако необходимость написать сцену ярко и самобытно, так, чтобы она привлекала внимание и отличалась от сотен и тысяч других любовных сцен, никто не отменял. Вот и стараются авторы, пишут, ищут, придумывают. И иногда, к сожалению, в ущерб правдоподобности сцены. Тут очень важно увидеть эту грань, понять, с какого момента происходящее становится слишком вычурным, наигранным, искусственными.

Нарочитость портит впечатление гораздо больше, чем обыденность. К тому же, от старых добрых слов «Я люблю тебя» вам все равно не уйти.

Отдельная тема — это поведения героев в рамках любовных сцен. Именно оно, чаще всего, становится первой жертвой стремления к оригинальности. В общем, это не плохо ни в литературе, ни в реальной жизни. Самое главное, как всегда, знать меру.

Сложнее всего в этом плане приходится молодым писателям, которые не имеют достаточного жизненного опыта. В итоге даже взрослые герои в их исполнении ведут себя также как подростки, и на примере любовных сцен это особенно заметно, так как подросток, переживая свою первую любовь, ведет себя несколько иначе, чем сформировавшаяся личность, к тому же имеющая опыт любовных отношений. Совет тут можно дать только один: наблюдать. За родителями, за соседями и прохожими, героями фильмов и книг.

Что еще можно сказать о поведение героев? Все мы знаем, что любовь часто меняет мироощущение, взгляды на мир и окружающих людей, на события и вещи. Часто поступки таких людей выглядят преувеличенными, временами, даже избыточными, если смотреть с точки зрения человека, данного чувства не испытывающего.

Человек может совершать абсурдные поступки, но это не значит, что в этих поступках совсем нет логики. Просто логика эта несколько извращена, изменена. И, конечно же, она должна прослеживаться. Не обязательно сразу, это вполне может быть дополнительной интригой, особенностью сюжетной линии. Но рано или поздно читатель должен увидеть мотивацию всех участников.

Не меньшего внимания достойны детали. Строго говоря, детали важны всегда, как и все, о чем шла речь в этой статье, однако любовная сцена и здесь имеет свои особенности. И заключаются они в том, что для героев сцены детали не всегда значимы, и лучший способ продемонстрировать это — снизить детализацию до необходимого минимума. Что может заметить влюбленная пара на свидании? Милующихся кошек, лужу в форме сердечка, два дерева, переплетающихся ветвями: то есть, все то, что может напоминать им об их чувстве. В остальном на внешний мир влюбленные вряд ли обратят внимание.

Избыточная детализация будет сбивать читателя с нужного настроения, разрушит атмосферу уединенности, которая характерна для любовной сцены. Впрочем, не стоит забывать, что именно таким образом можно раскрыть некоторые особенности именно вашего произведения. Например, если речь идет о не взаимном чувстве, то обилие деталей может удачно подчеркнуть эту особенность: пока один герой находится во власти своих чувств, второй активно взаимодействует с миром. Такой контраст продемонстрирует читателям чувства каждого героя лучше, чем любые слова автора.

Ну и последнее, что хочется сказать — это соотношения действий и эмоций. Ядром любовной сцены должны быть именно эмоции. В некоторых случаях любовная сцена может в состоять только из описания мыслей и чувств героя, например, если он просто издалека любуется предметом страсти или смотрит на фотографию. Но это, конечно, частный случай, и даже тут важно не перестараться. Излишняя приторность и розовые сопли в шоколаде уместны далеко не везде.

Обратные ситуации, когда абсолютное первенство держат события и действия, не желательны. Любовь — это в любом случае эмоции, чувства. Другое дело, что этих самых эмоций может быть совсем не много, порой хватает одного слова или жеста, чтобы читатель понял, что речь идет о сильном чувстве. Так что вам снова придется ловить баланс, мифическую и вечную золотую середину между тем и другим: между действием и эмоциями.

Uban Traguux

Cebepnas compana

Сушу высмотрел зоркий взгляд Воеводы с кормы ладьи — Здравствуй, Северная земля, Пред тобою сыны твои!

Как давно мы ушли в поход И покинули отчий — Не единый сражались год Со штормами, с водой, со льдом!

Нас просоливал океан И выдубливали ветра — Сколько тяжких добыто ран И награблено впрок добра!

Возвратились — хвала богам, Кто со счастьем, а кто с бедой... Дай пройтись по твоим лугам, По траве от росы седой.

3naro

Всю жизнь учась, я ничего не знаю, Хотя и знаю множество вещей: Почём «Nissan»; где лучшая пивная; Рецепт «ерша» и бабушкиных щей.

Я знаю: Светку, Вику и Кристину; Их «тараканов», «кнопки», «рычаги»; О том, что больше, чем наполовину, Мои друзья — подлейшие враги.

Я знаю много средств достичь покоя — Одно «взбодрит», другое «унесёт»; Я знаю, знаю, знаю... Но какое Из этих знаний душу мне спасёт?

Cepsu Anmonol Adpranueman

Ты встречал нас огнём из «зелёнки», И фугасами вдоль колеи. Молодыми, у самой у кромки Жизнь и смерть познавали свои.

Долг солдатский, но взятый не нами, Мы платили в суровом бою. А на севере, там, за горами Мать молитву читала свою.

Со слезами у Бога просила, Чтоб живым я вернулся домой. А меня по Афгану носило, И беда здесь цепляла порой.

В Тёплом стане рванула ракета, Прилетев из-за гор по утру. Медсестричка, по имени Света, Полыхнула подобно костру.

Двое суток цеплялось сознанье За остатки былой красоты. Больше ей не назначат свиданье, И весной не подарят цветы.

А водитель мой из-под Донецка Никогда вновь не сядет за руль. На войну он отправлен из детства, А уволен с неё градом пуль.

По кабине они простучали... Я живой, а его больше нет... Мать с сестрёнкой безумно кричали, Проклиная во всю белый свет.

Сколько их, постаревших до срока, Никого уже больше не ждут? Не находят они в жизни прока, Словно тени мелькают все тут.

Будет долго Афган ещё сниться Тем, кто вышел живым из войны. А за павших мы станем молиться, Чтобы мирные видеть нам сны.

Третий тост

Сколько Вас полегло на дорогах Афгана? Нам не скажет никто, не считал даже Бог. Не душа у меня, а кровавая рана, И наш доктор её успокоить не смог.

А на русских погостах стоят обелиски. Молодые ребята с фотографий глядят. Путь от дома в войну и обратно — не близкий. Кто осилить не смог, здесь под плитами спят.

Мы приходим сюда третий тост выпить вместе. Кандагар чтобы вспомнить, Кабул и Газни. Есть, наверно, дела, для людей, интересней, Но сегодня для нас не желанны они.

«Шурави, как дела?». Жаль, не будет ответа. Время старит живых, но пришедших домой. Вспоминаю опять я военное лето, И колонну на Хост, и последний ваш бой.

Извините друзья, что не часто приходим. Очень много забот насыпает нам жизнь. Но прощенье от Вас, для себя здесь находим... Выпьем вновь за мечты, что уже не сбылись.

Ela Mugrep

Cracmrubas svennjuna

Моросящий туман разукрасил асфальт перламутром. А унылым прохожим видна лишь дождливая серость. Просто Осень, изысканно сбросив наряды, разделась и под душем прохладным с утра она нежится будто.

Мой диагноз сейчас - недостаточность острая лета. Отыскала тебя, чтоб забыть. С'est La Vie, так и надо. Если вдруг "тет-а-тет" мы однажды окажемся рядом, то вопросов останется больше, чем явных ответов.

Лист последний линяет, лишаясь карминовых красок. Мной любимое небо от вычурной фальши поблекло, оно больше не синее — будто присыпано пеплом... Просто Осень не любит выдумывать радужных сказок.

Судьбоносный ноябрь. На окнах слезинки из жемчуга. Я поблажек не жду, забывая вчерашнюю встречу... Кто-то ранее избран тобой, ты целуешь ей плечи. Это Осень с тобою — счастливая, все-таки, женщина.

4epno-beroe

Не дели нашу жизнь флюгерами на черные/белые маркие полосы — ты смешон мне таким: безосновательно категоричным. Распустив золотистыми змейками влажные на плечи волосы стану я откровенно-простой /стыдно/ до неприличья.

Не пытайся искать во мне признаков ангела/демона/дьявола. И вообще, попрошу обойтись в эту ночь без ненужных сравнений: не тобой и не мной в этой странной игре установлены правила, не тебе и просчитывать риск моих взлетов/скитаний/падений.

Не спеши расставлять однозначных акцентов по тексту сейчас: мне, прости, ограниченный рамками мир твой давно безразличен. Не стремлюсь, обесточив флюиды, стремительно пасть в декаданс, но нет смысла искать в черно-белых оттенках тональных различий.

Mponjages c Knebon

Тихий свет фонарей. Полуночный Крещатик. Сколько судеб ты сплел в свой клубок? Мой загадочный друг... Или давний приятель? Сколько тайн и несказанных слов?

"Город" — это так мало! Ты значительней в разы! Для меня ты — отрезок судьбы. В самом сердце твоем я Его повстречала. А быть может, Его привел ты...

Я с тобою сжилась до синхронности пульса, я молилась соборам твоим.
Ты растил меня бережно, даже искусно,

но признайся, совсем не любил.

Город, знаешь ли ты, повезло /хоть одной/ осчастливить Его или нет?..
Я старалась, поверь, я болела тобой, в поездах мчалась слепо на свет.

Город боли моей, нестерпимой разлуки. Мой алтарь, на котором Любовь. Город, где Он впервые целовал мои руки... Город-Сказка. Но только не мой.

Burmay Bupal

Глазами и сердцем

Когда я была маленькой, у меня был пушистый белый котенок. Сейчас, когда жизнь давно уже «за половину», для меня та детская фотография с котенком на руках стала одной из любимых.

Я всегда любила снег. Любила смотреть на него, когда он падает. И увидеть в нем что-то свое-самое важное.

И сейчас я его люблю тоже. Я вижу, как эти пушистые снежинки, кружась и не спеша переваливаясь с боку на бок, падают и покрывают темные бугорки земли. Некоторые земляные выступы не выдерживают эти ленивые хлопья и обнажаются почти сразу, растапливая своим еще теплым дыханием первую - совсем неплотную снежную пыль. И тогда эти неявные черные бусинки земли начиняют мне подмигивать сквозь пушистую белую оболочку, выстраивающуюся в контур воображаемого котенка из счастливого детства.

Я тогда подставляю лицо этой муке, что сыплется с неба, и вспоминаю, как мама посыпала ее уже слепленные сырники, касающиеся друг друга слегка липкими боками и ожидающие на плоской тарелке своей очереди возле шипящей сковородки. И я не замечаю, что через мгновения на лице остаются лишь холодные мелкие капельки воды, и, опираясь на край единственной во дворе скамейки, осторожно приседаю возле котенка. Мне хочется его погладить. Я понимаю, что не могу его взять на руки — без опоры на скамейку я не смогу выпрямиться. А он, мой беленький котенок из детства, прогнув свой корпус и расправив пушистый хвост, вдруг шагнул к моей протянутой к нему руке и защекотал колючими снежными усами мою ладонь, не успевая оставить на ней водных следов.

Лицо засветилось радостью и счастьем, и дыхание стало уже не таким частым и прерывистым, как при медленном подъеме пешком на седьмой этаж девятиэтажки с часто неработающим лифтом.

Я совсем не заметила высокого и слегка сутулого «серебристого» мужчину, который остановился у той же скамейки и стал вглядываться в мое покрытое слезами счастья лицо своими внимательными глазами, поправляя иногда съезжающие с переносицы очки.

Когда после инсульта муж пришел с фруктами ко мне в больницу, то сразу сказал, что сейчас идет снег - почти такой же, какой шел, когда он впервые встретил меня с котенком у скамейки во дворе. Еще не зная, что будет между нами, он увидел тогда в глазах женщины, глядящей на снежный комочек, то, что давно искал сам. Искал глазами и сердцем.

За окном кружились снежинки. Две пары глаз внимательно наблюдали за ними. Двум любящим людям казалось, что снежинки формируют на стекле силуэт котенка, который шуршит невидимыми когтями и словно просится внутрь комнаты.

«Серебристый» открыл форточку, морозный воздух с шумом ворвался внутрь...На пол спрыгнул котенок, выгнув дугой белую спинку. Мы оба потянули к нему руки, пальцы наши встретились, и от этого касания я скорее почувствовала, чем услышала, произнесенную фразу: «Ты поправишься. Я знаю..»

На полу остались водные капли, в форме расположения которых можно было рассмотреть слово «Да»...

Arencen Casunel

Trungusie nmuysi

Все глиняные птицы в день Страшного суда оживут и улетят на небо ©

Я слепил пару птах из глины, Одну самочку и самца, Они полы и молчаливы, А на лапках по два кольца.

Они мёртвые и безглазые Словно люди, но без пути, И не двигаются, заразы, Хотя им говорю: "Лети",

Даже клетка для них открыта, Воздух манит на небо, выше, Не клюют они хлеба, сыты, И не пьют, и совсем не дышат.

Мякиш стал словно камень бут, Запаршивела в слизь вода, Мои птахи тогда оживут, Когда Страшного день Суда.

He boxogu uz nonnamos

Не выходи из комнаты без шлема, Бог не промажет, Он пометит шельму. За ширмой стен Троянских, как Елена, Спасай в постели голову и шею.

Будь неприступной, словно город Индры, Подушками воздвигни баррикады, Не нервничай, не подавай и вида, И Клеопатрой поедая авокадо,

Будь чуткой, настороженней мангуста, И подозрительной особенно к обеду — Вдруг там отрава, яд... но сердцем чувствуй, Что я уже за дверью, в лифте еду.

Cepque

Я лю.....блю тебя! Всё на.....плаху! В сер ом небе один ли...шь цвет, обжиг ающий жаром руб.аху, под которой уж сердца нет, но оно не пропало бес следно, оно просто горит в руке, я не Данко, и я не бессмертный, пальцем дрожь развожу на курке, но стреляю в широкую глотку, безуча стно слепых небес, швом яр чайшим от подбородка из меня вырывался бес, я люблю тебя, вот мо ё сердце, зажи май и храни в горсти я отк рыл c вою тайную дверцу, чт обы вместе с тобой расц

вести!

Дам, который построит Бог

Вот дом, который построил Бог...

А это древчишко, что выросло слишком, В доме, который построил Бог...

А это девица, которой не спится, Она все на дерево смело косится, В доме, который построил Бог...

Вот яблоко, что на древе лоснится, Которое жадно так манит девицу, Которой от этого вовсе не спится, И та все на деревце яро косится, В доме, который построил Бог...

А это змеица, что с яблоком слиться Сумела на ветке древчишка и свиться, Что манит бессонную нашу девицу, Которая просто до нельзя косится На древо растущее в тесных границах Дома, который построил Бог...

А это Адам, что боится змеицы, Что с яблоком вкусным успела сродниться, Которое манит и веселится На ветке древчишка, и Ева-девица На это растение жадно косится, Да так, что ей бедной совсем и не спится В доме, который построил Бог...

А это сам Бог, которому снится Адам, так боящийся злую змеицу, Зубами успевшую в яблоко впиться, Что мирно свисает на веточке-спице Древчишка растущего, как коноплица, И не дающего спать той девице, Что бешено, страстно, на древо косится В доме, который построил Бог...

Odunume bo been zneno

Злая мудрость и мудрая злость Гомогенно слились — без прорех: Будь в Адаме всего одна кость, То она подвела бы под грех;

Богу будет всегда что есть, Если Авелю дан любый брат; Коли в кране вода еще есть, То умоется каждый Пилат;

Передаст плотник плотнику крест, Если встретятся, то в Раю... Но в начале невинный жест — Обвините во всем змею.

Obrahrenna

Поэтический абсент

Интернет открыл новые просторы для творческих людей, существует огромное количество площадок для публикации. Но кто из поэтов действительно достоин внимания? Попробуйте «Поэтический абсент!». Этот литературный проект, призванный собрать талантливых авторов и дать возможность заявить о себе. Конкурс организован молодыми поэтессами Петряковой Марией и Колесниченко Таисией.

Конкурс будет проходить в несколько этапов: с 1 по 20 апреля пройдет первый этап, в ходе которого жюри отберет 10 участников. В течение следующих 7 недель они будут выполнять задания организаторов и получать оценки жюри. Каждую неделю будут определяться лучшие участники, а те, кто не сможет проявить себя, покинет проект. До третьего этапа дойдет только три участника.

Форма конкурса: онлайн. Лучшие авторы будут выявляться посредством голосования, которое будет проходить в 2 тура.

В I туре голосовать будут сами участники. Во II туре работы будут оценивать и комментировать члены жюри.

Победителя ждет:

- 1. Публикация + интервью в литературно-публицистическом проекте "Терракота".
- 2. Публикация + интервью (по предварительному согласованию) в творческой газетесамиздат "Беседы у камина".

Заявку на конкурс может подать любой желающий. Форма заявки опубликована в группе «Поэтический абсент».

Автор: Колесниченко Таисия.

Контактная информация: «Поэтический абсент».

Петрякова Мария (директор проекта): Колесниченко Таисия (РR/реклама) тел: 8-(950)-383-81-65, тел: 8-(983)-423-51-23,

e-mail: meri4321@mail.ru e-mail: tais 17@mail.ru

U ama bee a nevi...

Приглашаем принять участие в конкурсе короткого рассказа от журнала «Времена года», существующего на просторах сайтов stihi.ru и proza.ru. Тема конкурса звучит следующим образом: «И это все о ней».

Рассказ должен соответствовать теме и состоять ровно из ста слов. Подробнее о конкурсе можно прочитать здесь: http://www.stihi.ru/2013/03/05/9102 и http://www.stihi.ru/2013/03/05/9102 и http://www.proza.ru/2013/03/05/1656.

Прием работ продолжится до тех пор, пока не будет принята сотая по счету заявка.

Наш электронный адрес — gazeta buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — http://buk-journal.ru

Адрес нашего форума — http://buk-journal.ru/forum/

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — http://stihi.ru/avtor/gazetabuk

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — http://proza.ru/avtor/gazetabuk

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/